

Как и многие, я относился к Маку с некоторым презрением. Помню, в начале девяностых мы – студенты Лита – голодные шли на занятия мимо гигантской очереди в «Макдоналдс» и смотрели на его большие стеклянные витрины. Я называл это «выставка жующих челюстей». Мы спешили на учебу и вяло презирали повальное стремление бывших советских людей к материальному, заграничному. Иногда казалось, что люди в очереди смотрят друг на друга с подозрением, будто боясь, что их выследят и отправят в ГУЛАГ за посещение иностранного ресторана.

Надо сказать, что я сам, изредка перекусывая в Маке, чувствовал себя предателем. Хотя кого я предавал? Чаще всего я пользовался его бесплатными туалетами. В первое время боялся, что меня не пустят: страшился охранника, поэтому вначале шел к кассе и, помявшись там, будто заняв очередь, отправлялся в туалет. Конечно, поражало, что он всегда чистый, теплый и глаза не режет от запаха хлорки и миазмов. Потом обдувал руки, и никто не подталкивал в спину. Волей-неволей я благодарил Мак. Можно смеяться, но благодаря этой чистоте, уюту, деловитому шуму воздуха из калорифера настроение улучшалось, и казалось, я сам становлюсь чуточку лучше, нежнее, что ли...

Уже после выселения из общаги, между съемными комнатами, квартирами, бывали периоды, что вовсе некуда было идти. И тогда я пересидивал в Маке долгие часы, целые дни. Боясь, что выгонят, скрытно стягивал с другого стола поднос с пустыми стаканчиками и продолжал сидеть. Но никто меня не трогал.

Я водил туда любимых, и это трогательно контрастировало с высокими чувствами. Москва олигархов насмеялась над нами. Но Мак неизменно проявлял уважение к этим самым чувствам. Как много бедных парочек он приютил! «Макдоналдс» всегда был Меккой юных влюбленных. Ведь большинство только в нем и могли себе позволить потусить – хоть и дешево, но не стыдно, даже круто, и можно сидеть сколько хочешь.

С гордостью «мАсквича» я показывал его своим деревенским сестрам и упивался их благоговейным восхищением, стеснением и радостью. Думаю, что у многих есть фото первого Мака, где они сидят на скамейке, обнимая лаковую фигуру клоуна Рональда. Целые поколения детей выросли так.

Была такая поговорка: «Тебя в “Макдоналдс” не возьмут – прыщей не хватит!». Злая шутка, но это говорило только о том, что в Мак принимали даже тех, кого нигде уже не брали. Только этот общепит принимал на работу невзрачных подростков, слишком полных девочек и вообще тех, кто другим работодателям казался убогим и никчемным. А Мак их учил, кормил, платил зарплату и всем этим укоренял в социуме, помогал поверить в себя.

Когда я впервые попал в Америку, меня удивил местный «Макдоналдс» – то, что он точно такой же, как у нас. Я даже с ревностью смотрел на него! Смешно это было, как привет из России. Когда я недавно прилетел в Оренбург слишком ранним рейсом, кто меня приветил? «Макдоналдс» в Степном, конечно! И в нем тот же идеально московский бургер и кофе.

С две тысячи шестнадцатого, уже работая в Литературном институте, я стал еще чаще бывать в Маке на Тверской. По дороге на занятия покупал два двойных эспрессо в од-

ном стаканчике, с добавлением молока. В системе Мака нет такой опции – «добавление молока», но менеджеры шли мне навстречу – пробивали молоко отдельно или вместо него проводили по кассе что-то мелкое. Вкуснее этого кофе за такие деньги я больше нигде не пил.

И мне всегда улыбались. Да, я вначале презирал эти бесплатные фальшивые улыбки, а потом полюбил, потому что сам «Макдоналдс» не был фальшивым по отношению ко мне – его люди ни разу не сделали мне больно. Если кто-то из посетителей хамил, я видел, как тяжело сдерживать себя служащим. Они улыбались, скрипя зубами, но ситуацию разрешали в пользу клиента. Мне казалось, что если бы работник Мака кого-то оскорбил в ответ, то мир бы перевернулся.

Иногда к этому замечательному кофе я покупал бургер с яйцом. Садился, переждал время до начала лекций и наблюдал за разношерстной публикой. Все находили здесь место, тепло и ненавязчивую заботу. Например, долгое время сюда приходила одна и та же старуха-бомж. Она закатывала грязную коляску с пожитками, приводила себя в порядок в туалете для инвалидов, а потом сидела какое-то время за столиком, собирала то, что другие не доедали. Мимо ходил охранник, с неудовольствием поглядывая на нее, но не выгонял. А уборщица молчаливо все после нее подтирала и обеззараживала.

Однажды вдруг подметил, что сам я всякий раз с раздражением смотрю на эту бездомную и порой хочу ее вышвырнуть. Но ни охранник, ни другие служащие Мака не проявляли агрессии и не трогали эту старуху. И когда я понял эту разницу, что-то сжалось в душе моей. Я отчетливо увидел внутри себя человека, извращенного бесконечным насилием с детства, заполучившего страх с кровью предков, с генами унаследовавшего унижение

перед сильным и агрессию к немощному, не такому, как ты. Да, Мак не на словах, а на деле учил нас – гордых внуков славян и друзей степи – проявлять милость к падшим, сдерживать себя и улыбаться, пусть даже фальшиво. Наверное, мои слова покажутся пафосными, но это правда.

Иногда, приходя в Мак в Медведково рядом с домом, я, кажется, вижу будущее: мой уже повзрослевший сын, набрав, как всегда, нагетсов и макчиконов, говорит друзьям: «А мы с отцом сюда ходили. Он всегда брал себе два двойных эспрессо в один стаканчик»...

И вот нет теперь этого вкусного и дешевого кофе. Мир все же перевернулся. Закрылось доброе место. Вовсе не американский, а давно уже ставший глубоко русским «Макдоналдс» собрал свои вещи и эмигрировал из России.

Самое грустное, что те, кто так же, как и я, долгие годы пользовались его добротой и гостеприимством; те, кого он спасал от студенческого голода, от дождя и отсутствия туалетов, не упустили случая бросить ему в спину камень. Говорят, на его место придут турецкий и российский фастфуды. Хочется верить, что они будут такими же добрыми. Прощай, Мак. Спасибо тебе!